

Вряд ли стоит вставать в позу и отделять «настоящих» социологов от «имитаторов»; внутри более или менее согласованных академических кругов существует свой гамбургский счет, и в принципе понятно, кто чего стоит. Для нас (меня) более актуально другое разделение. Самая важная проблема, на мой взгляд, в том, что в социологическом образовании основной разлом происходит по линии: исследователи vs преподаватели.

Насколько я знаю, во многих российских университетах исследователи (более или менее автономные, не обязательно даже институционально организованные) были с кафедр социологии (факультетов) мягко говоря, подвинуты. Их «нездоровый» энтузиазм и живые примеры явно мешали/мешают ведению «нормального» процесса обучения. С другой стороны, исследователи – преподавателей тоже не очень жалуют. Работать в поле преподаватели, как правило, не любят, считают себя экспертами во всем, сложно уживаются в другой, мало иерархичной, структуре. Такая вот взаимная нелюбовь/недоверие. Конечно, речь идет только о традиционных социологических факультетах и кафедрах. В новых университетах, хочется верить, этот конфликт, если и существует, (он не может не существовать), то преодолевается в пользу обеих сторон. Студенты же соцфаков по большей части ориентированы именно на исследования (и это их право), чаще всего – на маркетинговые: совсем другие деньги и правила. Как и практикующие психологи, посещающие бесчисленные тренинги, студенты-социологи ждут и требуют: дайте же нам наконец тесты, анкеты, научите скорей, как проводить фокус-группы и писать правильные справки. А как насчет теоретических мастер классов? Дискуссий? Не знаю, не уверена. Хотя, конечно, в каждой группе есть несколько звездочек, и это повышает мотивацию, прибавляет сил, чувствуешь, что не зря... что греха таить, все чаще подумываю: а не уйти ли с преподавания? Потому как все меньше и меньше удовольствия, все меньше и меньше реализации и куража. А если и это покинет, то с нашей зарплатой (куда денешься?) вообще неясно как отвечать себе на простой и такой животрепещущий вопрос: зачем?

Долго путь из рабства, 40 лет не меньше. Отвыкнуть обслуживать – это не только мудрость, но и мужество. А как научить – НЕ обслуживать, если так долго и всячески обслуживали? И как побороть плохую репутацию самой профессии, которая не столько суть наследие советской партийно-съездовской «социологии», сколько испорченное «поле», всякий раз остающееся после политтехнологических экспериментов и пиар-акций? Разве можно наивно верить в то, что всем можно объяснить, что есть социология и «социология»?

Павел Романов и Елена Ярская-Смирнова

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

Мы полагаем, что социология пришла в публичное пространство России и заняла в нем прочное место, конечно же, задолго до того момента, как был открыт набор на одноименную специальность и появились ссылки на социологические исследования в средствах массовой информации. Начать можно с того, что большевики и их сталинские преемники в своей пропаганде и преобразовательной деятельности основывались на системе взглядов, которые можно назвать, на свой манер, социологическими. Можно согласиться с идеей Г.С. Батыгина, что советская общественная жизнь являет нам уникальный пример социологии, ставшей ведущей и преобразующей силой на государственном уровне, подчинившей себе все аспекты общественной жизни. Такие формулы марксистской социологии, как *классы, преодоление классовых различий, классовое сознание, классовый конфликт, производственные отношения*, – не только затверживались на школьной скамье и на занятиях по историческому материализму в вузах. Они направляли партийные решения, затрагивающие интересы миллиардов людей, – и не только в СССР, но и далеко за его пределами, когда возник социалистический лагерь и в некоторых развивающихся странах к власти пришли марксисты разных вариаций (включая маоистов, сторонников чучхе и полпотовцев, а также ряд других экзотических движений, включая Красные Бригады). Есть множество примеров тому, как социологический анализ в СССР вел руководителей страны дорогой, усыпанной многочисленными жертвами: предположение ряда теоретиков об усилении классовой борьбы при социализме привело к росту репрессий в 1930-х, а в 1950-е Струмилин и ряд других видных советских социологов провозгласил отмирание товарно-денежных отношений, в результате чего возникла волна репрессий против малых и крупных предпринимателей времен хрущевской оттепели и к смертным приговорам по делам «валютчиков». Позже возникли и претворялись в жизнь социологические идеи о сосуществовании систем, развитом социализме и, на закате Советского Союза, в эпоху Перестройки – разного рода идеализации нэпа.

Если говорить о советской публичной социологии, то мы имеем дело в первую очередь со своего рода теорией-идеологией, легитимирующей и направляющей советскую социальную, индустриальную, градостроительную, аграрную, криминальную, а подчас и внешнюю политику. В доминирующем дискурсе редко можно было встретить аргументы, апеллирующие к каким-либо эмпирическим данным, но это не значит, что никаких исследований не проводилось. Шейла Фицпатрик, например, изучая контекст принятия антипаразитических законов эпохи

Хрущева, рассматривает деятельность специальной комиссии ЦК КПСС, занимавшейся изучением вопроса о борьбе с социальным паразитизмом. Есть много свидетельств того, что эта комиссия провела колоссальную аналитическую работу, выявив широкий спектр теневой рыночной деятельности, получившей развитие в условиях смягчения режима после ухода Сталина с политической арены. Конечно, следует признать, что деятельность такой комиссии, как и множества других советских комиссий, слабо ассоциируется с конструкцией социологического знания как науки, но это была прямая конвертация Социологической Идеи со всей сопутствующей риторикой в целенаправленную программу деятельности. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что к моменту возникновения в СССР социологии как науки в 1960-е годы власть ясно осознавала необходимость проведения систематических научных исследований общества в дополнении к обычной практике изучения разнородных свидетельств, поставляемых различными ведомствами. Так и возникла социология шестидесятников, самые гибкие представители которой облекали наукообразными обоснованиями готовые решения партии и правительства, а более продвинутые исследователи играли незавидную роль «советников при Чингисхане», как в свое время метко выразился один из социологов этого призыва Ю.А. Левада.

И этот малосимпатичный публичный имидж социального знания, встроенного в институты доминирования, воспроизводится и в постсоветской России с печальной регулярностью – речь идет, например, о темах научных форумов, подхватывающих и разрабатывающих сюжеты, вбрасываемые властными структурами. Не успели сверху объявить об угрозе международного терроризма, как уже возникли кафедры социологии безопасности и проведены бесчисленные конференции на эту тему. Параллельно мы наблюдаем то возбуждаемые, то гаснущие волны ажиотажа по поводу демографической политики, опасностей, исходящих от избыточных социальных программ, угрозы «вымирания», страхов, связанных с мигрантами... и так далее вплоть до развития нанотехнологий. При этом мало кто пытается переосмыслить в критическом ключе эти сигналы страхов и надежд, идущие сверху, мало кто старается понять, с какими вызовами общество действительно имеет дело, или переформулировать эти вызовы в интересах гражданского общества.

Хотим напомнить также, что в эпоху перестройки в публичное поле вошла другая социология – наверное, ее можно поп-социологией: это телеопросы, когда ведущие спрашивают мнение телезрителей по тому или иному вопросу и сразу же дают распределение ответов в нижней части экрана; в популярных журналах нередко ссылаются на данные опросов по поводу предпочтений в сфере потребления или личной жизни; разные издания время от времени проводят на своих страницах маленькие анкетирования по актуальным проблемам; разумеется, нельзя забывать и о политических рейтингах, хотя в связи с изменениями в отечест-

венном политическом ландшафте интерес к ним падает. Этот ряд можно продолжить, он означает, на наш взгляд, что общественное мнение приобрело в медийном пространстве и массовом сознании самостоятельный статус и где-то рядом с ним маячит фигура некоего персонажа, сочиняющего вопросы и обобщающего ответы на них. Пусть многим пока кажется, что техники спрашивания и обобщения не требуют никаких особых навыков, но сама эта практика вполне институционализирована, она имеет ясно различимые и узнаваемые контуры.

Думается, что социология в современном российском обществе многолика, и российское общество, как и другие современные индустриальные миры, не прочь с любопытством заглянуть в это зеркало, даже порой извлекая из такого разглядывания какие-то практические выводы. Проблема лишь в том, что в этом многообразии где-то затерялась гражданская физиономия нашей науки. На пути от роли сухопарого надзирателя советской поры в публичной сфере к нынешней роли шута с бубенчиками мы где-то потеряли вдумчивого собеседника, к которому могли бы обратиться свои интерпретации серьезных проблем современного общества и вместе с этим утратили важное поле работы публичной социологии.

Майкл Буравой разделяет академическую, критическую, прикладную и публичную социологию по типам основных задач и аудиторий, или потребителей социологической информации. Какое разделение труда сложилось в современной отечественной социологии? Какую бы классификацию предложили вы? Чем различаются между собой эти виды социологического труда?

В целом мы разделяем типологию, предложенную Буравым, но специально не останавливаемся на комментировании других, нежели публичное, направлений социологии. Основное различие между этими четырьмя социологиями, на наш взгляд, – в аудиториях к которым они адресуются. Этот адресат диктует и определенные характеристики результатов научного анализа – в смысле языка, тематизации, способов донесения информации до целевой аудитории. В дополнении к обычным требованиям относительно критериев научности, этики, процедуры вывода, от социологов здесь ожидаются специфические компетенции по подготовке финальных текстов, чтобы они смогли занять свое место в публичном дискурсе.

Что, с вашей точки зрения, входит в сферу публичной социологии? Как бы вы определили границы этого направления?

Сферу публичной социологии, на наш взгляд, составляет поле дебатов по социальным проблемам. Причем повестка дня определяется, в отличие от прикладной (или заказной) социологии, интересами групп, которые ограничены в их возможности вводить в публичный дискурс свои вопросы и приоритеты, т.е. преимущественно «снизу вверх». Функция социолога как интерпретатора заключается здесь в

наделении безгласных, слабо рефлексивных групп голосом, в поддержке такого высказывания, которое является залогом социального диалога, консенсуса, исключает замалчивание или умаление каких-то социальных проблем, которые по чьему-то решению или соизволению могли бы быть объявлены незначительными или отсутствующими. Другое предназначение мы видим в модерировании публичной дискуссии, обеспечении многоголосья по наиболее значимым для общества проблемам. Границы обозначены здесь профессиональными рамками – если говорить о нормах производства такого специализированного знания об обществе – и специфическими рамками оформления публичного текста, доступного для понимания вне профессиональной клики и аргументированного в соответствии с жанровыми особенностями. Призыв к публичности, кроме того, это еще и особые отношения с заказчиком – довольно тонкая материя. В отличие от академической и прикладной социологии здесь у нас не всегда есть конкретная организация, которая бы диктовала нам свои ожидания. Если и есть некий фонд, предоставляющий гранты, то обычно это требования самого общего вида. А собственно целевая аудитория – гражданское общество, заинтересованная публика, не всегда может ясно выразить свои ожидания. Вероятно, специалист по публичной социологии должен иметь какие-то навыки понимать эти разнородные сигналы, быть настроенным на эту публичную волну. Было бы желательно еще не просто озвучивать массовые страхи или потребности, но и компетентно указывать на альтернативы, учитывающие права человека, гуманистические ценности.

По отношению к каким (какого рода) темам/проблемам публичная социология сегодня возможна и необходима? Какие техники и методы в рамках публичной социологии больше подходят для разработки тех или иных проблем?

Эти темы традиционные, они повсюду вызывают горячий интерес со стороны общества, в России они также являются приоритетными – проблема охраны гражданских прав различных социальных групп, социальное неравенство, доступ к принятию решений по жизненно важным вопросам сообщества. Ограничений в методах здесь не может быть, как и в теоретических подходах, однако наблюдения показывают, что критическая теоретическая традиция чаще используется, она просто чаще оказывается пригодной, как и интерпретативная, а полевое исследование, опирающееся на «естественные» методы, больше может дать для понимания социальных проблем отдельных социальных групп, особенно депривированных и стигматизированных.

Отметим, что процессы исследования важны в такой же степени, как и конкретный предмет исследовательского внимания¹. И речь здесь не

¹ Hall B.L. Participatory research, popular knowledge and power. A personal reflection // *Convergence*, vol. 14, No 3, 1981, P. 6-19.

только о том, какой инструментарий при этом задействуется для сбора и анализа данных, а еще и о тех отношениях неравенства, которые возникают благодаря тому, что исследователь обладает властью знания, рефлексии, оценки и экспертизы, а исследуемые выступают объектом его интереса, определения и эксперимента. Так, в акционистском исследовании (action research) важно внедрить результаты в определенные действия, акционистское исследование выступает непосредственным катализатором конкретных преобразований, акций, коллективных выступлений или обращений, реальной деятельности, ведущей к позитивным изменениям. Этот подход получил развитие и нашел применение в сфере образования и менеджмента предприятий, социальной работы и социального управления. Термин «акционистское исследование» еще в 1944 году был предложен социальным психологом Куртом Левином, которому принадлежит мысль о том, что лучший способ изучить социальные системы – это изменить их. Другая его идея состоит в том, что, проходя через процесс коллективного исследования, индивиды в большей степени готовы воспринимать изменения¹.

Несмотря на то, что выводы прикладного и акционистского социального исследования часто ведут к пересмотру понятий и способов решения социальных проблем, трудностью внедрения этих результатов является их формулирование в научных терминах, несколько удаленных от возможностей и потребностей реальной практики, от непосредственных задач социально-политического контекста. В связи с этим говорят о необходимости выработки конкретных рекомендаций, написанных сжатым и простым языком, имеющих удобный и привлекательный вид «рецептов», готовых для применения в повседневной деятельности практиков или управленцев, в краткосрочных курсах повышения квалификации или интенсивных тренингах. Говоря о возможных недостатках таких методов, следует упомянуть о трудностях, связанных с формированием аналитического запроса от безвластных, от меньшинств, которые нуждаются в изменениях больше других, но не обладают способностью к определенной артикуляции своего интереса. Трудно на практике создать условия, когда исследователь или обладающие властью акторы действительно могли бы уступить свое место представителям безвластных групп, хотя усилия в этом направлении заслуживают внимания.

В классическом типе исследования предполагалось более или менее четкое разделение ролей между исследователем и заказчиком, исследователем и исследуемыми людьми. Те, кого мы исследуем, фактически лишены возможности влиять на процесс написания нами научной статьи или на создание пакета рекомендаций. Однако есть и другие подходы, в которых принципиально важным является то, что исследование,

¹ Lewin K. Action research and minority problem // *Journal of Social Issues*, Vol. 2(4), P. 34-46.

как и рекомендации, разрабатывается представителями сообщества, той группы, которая испытывает проблемы и стремится к их разрешению. Такие исследования базируются на понятии критического знания. Ю. Хабермас говорит о критическом типе знания, которое возникает из рефлексии и действия, позволяя поставить вопрос о том, что такое право и справедливость, и побуждая нас занять активную ценностную позицию¹. Такой подход реализуется в партисипаторных исследованиях (participatory research, от англ. participation – участие)².

Слово «исследование» обычно вызывает в воображении образ лаборатории и научных экспериментов; экспертов-исследователей, вооруженных анкетами и путеводителями-интервью; обширную статистику или другие «исчисляемые» выражения реальности. Для многих из нас, работающих в системе образования, социальной экспертизы, социальной политики, в социальных науках, сегодня ясно, что такой подход создает дистанцию между нами и теми людьми, с которыми мы работаем. Он скорее ставит академическую задачу, чем выстраивает основу для социальных изменений, и довольно часто ограничивает наше понимание социальной реальности. Партисипаторный принцип обеспечивает альтернативный подход к исследованию, поскольку подразумевает скорее «исследование совместно с кем-либо», чем «изучение кого-то» или «для кого-то». Этот подход основывается на допущении, что простые люди так же, как и профессионалы, способны к критическому мышлению и анализу, что их знания содержательны и ценны для образования или социального развития. При таком подходе сами участники организации проводят анализ проблемы, а исследователь лишь фасилитирует этот процесс, избегая акцентировать свою роль как эксперта.

Партисипаторное исследование применяется в работе с общественностью, в организациях и группах, если адресуемая проблема имеет социальный характер. Это средство для передачи исследовательских возможностей в руки тех, кто депривирован и бесправен, чтобы они могли изменить свою жизнь самостоятельно ради самих себя. При этом люди получают ответственность как за производство знания, так и за его использование. Понятие «осознания», предложенное бразильским специалистом в области образования Пауло Фрэйром, является ключевым в партисипаторном исследовании. Это понятие означает, что люди, вовлеченные в глубокий анализ их собственной реальности, развивают понимание и способность действовать в направлении улучшения своей реальности³.

¹ Habermas J. Knowledge and Human Interests. Boston: Beacon Press, 1971.

² Pinto M. Doing research with people. Approach to participatory research. An introduction. New Delhi: Society for Participatory Research, 2000.

³ Freire P. Pedagogy of the oppressed. NY: Herter and Herter, 1970.

Наиболее очевидное свойство партисипаторного исследования, которое отличает его от более традиционных видов научной работы, – это активное участие представителей организации или сообщества в исследовательском процессе. Цель – способствовать усилению и мобилизации ресурсов простых людей, активизировать их потенциал, быть катализатором продвижения потенциала лидерства в организации или местном сообществе. В таком исследовании могут применяться разнообразные методы сбора и анализа данных. Важно, чтобы все участники четко понимали характер и смысл получаемой информации, знали, как ее применить, могли планировать действия, которые стоит предпринять, чтобы разрешить проблему. Партисипаторное исследование применяется в таких формах социальной работы, как работа с сообществом (community work), работа в группе, в том числе, в группе самопомощи. Международный совет по образованию для взрослых в Онтарио (Канада) и Общество партисипаторных исследований в Азии в Дели (Индия) – вот лишь некоторые из многочисленных организаций, которые осуществляют продвижение этого метода на протяжении ряда лет. Партисипаторное исследование применялось в феминистских и других эмансипирующих проектах в различных странах: в США, Канаде, Индии, Никарагуа, Филиппинах.

Существует такая разновидность партисипаторного исследования, как партисипаторное акционистское исследование. Развитие этого подхода также было вызвано потребностью в «альтернативных» подходах к социальному исследованию и в социальных действиях, ориентированных на активизацию местного сообщества. Примером служит работа французского социолога А. Турена, определившего свой метод как социологическую интервенцию, в процессе которой социальные акторы пытаются осознать мотивы своего поведения, осознать собственную значимость и ответственность¹. В исследовании А. Турена такими людьми в России стали активисты альтернативных профсоюзных организаций, озабоченных состоянием трудовых отношений на производстве. При этом они не становятся объектами исследования, а предстают в качестве представителей определенного вида деятельности.

Подходы партисипаторного исследования являются инструментальными в аспекте осуществления изменений на индивидуальном уровне, а также делают акцент на важности коллективов людей в понимании и трансформировании социальной реальности. Практика показывает, что процесс коллективного открытия и принятия решений мобилизует индивидов принимать изменения с большей готовностью. Партисипаторные исследования стали популярной стратегией мобилизации и организации сообщества, особенно среди угнетенных секторов общества, например, в сельской местности или среди женщин, инвали-

¹ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.

дов, этнических меньшинств, детей и подростков. Данный метод воплощен в группах самопомощи, роста сознания, в работе с сообществом, в частности, в активизации таких негосударственных образований, как ассоциации жильцов, в работе по активизации объединений жителей микрорайона, выступающих за нормализацию работы жилищно-коммунальной сферы, за чистоту и безопасность окружающей среды.

В связи с применением партисипаторных методов исследований возникает вопрос о возможных ограничениях и проблемах. В связи с этим можно упомянуть, в частности, более актуальную, чем в других подходах, проблему беспристрастности в истолковании данных (заметьте, что эта проблема значима для любого типа исследователя – очень часто, даже в тех подходах, где представители изучаемых групп не имеют власти повлиять на формулировку задач и акцентов в интерпретациях роль, тенденциозность в трактовке результатов исследования велика). Общественники, собирающие интервью или другие данные проявляют склонность к отбору тех свидетельств, которые подкрепляли бы определенную политическую линию. В некоторых случаях интервьюеры-волонтеры проявляют инициативу к соединению методов сбора данных с практикой пропаганды, что накладывает неконтролируемые помехи на природу собираемых полевых материалов. В этой связи от фасилитатора партисипаторных методов нужны дополнительные усилия в направлении обоснования важности нейтральной позиции при формулировке вопросов и сборе полевых материалов и при контроле хода исследования.

Рассматриваемый подход предоставляет целый ряд приемов для развития демократических процессов и децентрализации контроля в исследованиях, непосредственно связанных с социальными проблемами и правами человека, а также в практике образования. Что касается преподавателей, приверженных данному методу, – они включают учащихся в разработку учебного плана или программы курса, а также применяют в своей педагогической деятельности такие приемы, которые позволяют повысить участие студентов в поиске, производстве – речь идет о модели проблемно-ориентированного обучения (problem-based learning). В этой модели преподаватель играет роль инструктора, дающего стимульный материал и задание, а студенты самостоятельно распределяют функции внутри своей группы, управляют процессом поиска, обобщения и представления информации. Преподаватель вмешивается очень редко – лишь в тех случаях, когда студентам требуется консультация, или когда происходит сбой в процессах самоуправления ввиду неопытности учащихся. Данный метод с особым успехом используется на занятиях по социальным и гуманитарным предметам, где требуется развитие независимого, критического мышления, навыков индивидуальной и коллективной работы, ответственности и интереса к новому знанию, где так важен опыт самостоятельных открытий, отстаивания и пересмотра своего мнения. Благодаря таким партисипа-

торным методам преподавания студенты могут приобрести профессиональные качества самостоятельного анализа, коллективного принятия решений и работы в группе.

Вправе ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения и каковы пределы этого влияния?

Нам представляется, что любые разговоры о некоей рафинированно академической социологии, аполитичной и работающей исключительно на приращение некоего нейтрального научного знания об обществе являются заблуждением или лукавством. Уж если мы социологи, то так или иначе, тем или иным образом мы участвуем в выработке знания, влияющего на социальные изменения. Можно делать это нерелексивно, не задумываясь над тем, как наши ценности преломляются в результатах аналитической работы, а можно постоянно размышлять над своей политической позицией, над тем, кто, как и где будет использовать произведенный нами анализ, строить его так, чтобы охранять права и интересы безвластных, отстаивать гражданские ценности. Но чтобы социология стала явлением гражданским, необходимо работать на публичной арене в этом качестве рядом с комментаторами – экономистами, политологами, искусствоведами – с теми, кто уже закрепился в медийном пространстве.

Можно ли говорить о своего рода «публичном повороте», о преодолении «кабинетной» работы в современной отечественной социологии (антропологии, культурологии, социальной науке в целом)? Если да, то насколько эта тенденция глубока, в какой степени затрагивает практики социологического исследования и письма? Если нет – почему?

Пожалуй, о таком повороте, как генеральной линии говорить рано. Ситуация более парадоксальна – система производства и воспроизводства профессионального социологического знания живет сама по себе, движется своим путем и не особенно собирается куда-то поворачивать. Разве только некоторые из социологов решились вести в Интернете Живые Журналы, что можно определить как некий выход в публичное пространство, правда, весьма своеобразный. Хотя опыт такой есть – например в 1980-е годы И.В. Бестужев-Лада вел телепередачу на центральном телевидении, но в 1990-е годы как-то мало можно вспомнить о такого рода опыте. Лишь единичные исследователи и исследовательские группы продвигают публичную социологию в том виде, в каком мы ее обсуждаем здесь, – их можно по пальцам пересчитать. Такая идея положена в основу деятельности нашего Центра социальной политики и гендерных исследований с самого его основания, это легко отследить по нашим проектам, публикациям, которые и в Интернете представлены, и опубликованы (см. www.socpolicy.ru). Наша принципиальная позиция состоит в том, что если исследование

было проведено (по гранту или по заказу какой-либо организации или ведомства) и его результаты могут как-то способствовать публичной дискуссии по значимым для общества проблемам – эти результаты должны быть опубликованы в том или ином виде, разумеется, с учетом этических аспектов отношений между заказчиком и исполнителем, когда таковые возникают.

Можно говорить об условиях, когда такой поворот будет возможен в более или менее широких масштабах. Публичная социология в качестве ясно различимого интеллектуального поля может утвердиться в связи с системными трансформациями в обществе и в общественных науках. Во-первых, должны утвердиться новые источники финансирования исследований – они должны располагаться вне бизнеса и вне государства, и направлены на производство именно публичной социологии, укорененной в сообществах. Во-вторых, интерес к профессиональным социальным исследованиям должен ясно проявиться со стороны гражданского общества, должно стать больше и профессиональных исследовательских организаций. В-третьих, у социологов, особенно молодых, должны появиться перспективы занятости в организациях гражданского общества, некоммерческих организациях, нуждающихся в социальных исследованиях на благо сообществ, влияющих на политику снизу-вверх. И, наконец, в-четвертых, и мы говорили об этом не раз, социологическое образование должно научиться готовить таких специалистов.

Какой вам видится роль публичной социологии ближайших десятилетий?

Поскольку публичная социология в таком виде, как мы себе ее представляем, является детищем грантовой культуры и традиций гражданского общества – открытых конкурсов, честной соревновательности за финансирование и прочие ресурсы, публикуемых и доступных всем результатов работы, открытых для критики со стороны, преемственности в исследовательской традиции, – мы можем говорить скорее о желаемом будущем, чем о ясной перспективе. Очень хотелось бы больше возможностей, достойных альтернатив, но российское гражданское общество пока очень слабо, связь его с социальными исследованиями пока неоднозначная, российское государство довольно настороженно относится к международным донорам, которые на протяжении многих лет помогали развиваться публичной социологии, а российские доноры не торопятся приходить в этот сектор, тогда как ресурсы сообществ слишком ограничены. В таких условиях потенциал публичности у социологии раскрыть будет трудно, но возможно. Много будет зависеть, вероятно, от социологического образования, развивающегося на факультетах, летних школах, от локальных клубных инициатив, еще больше – от крупных фигур в социологии, авторитетных ученых, их желания повернуться от узкого академизма к публичности и широкому обществу, стремления участвовать в публичных дебатах.

Николай Романовский

О современном этапе развития социологии

Вопросов к теоретическому описанию современных реальностей много. Какую позицию заняла социология? Реакция сообществ социологов продиктована в какой-то мере тем, что авторитет социологии отражается и на распределении ресурсов профессиональных сообществ, на привлекательности этой дисциплины на рынке образовательных университетских услуг, на общественной роли науки. Последний момент, напомним, активно обсуждался на международных форумах перед всемирным социологическим конгрессом в Дурбане и на самом конгрессе.

Эту тему акцентировал, продуманно адресуясь к посткоммунистической аудитории, экс-президент Международной социологической ассоциации П. Штомпка в Москве в ноябре 2005 года. В сущности, обращение к проблемам общества и есть смысл существования социологии. Она возникла из общественных потребностей, завоевала признание своим вкладом в решение конкретных проблем индивидов, групп, обществ. Нынешние призывы к повышению общественной роли социологии связаны с конкретной ситуацией на пересечении общественных запросов и работы социологов. Варианты возможных шагов некоторое время назад обсуждали, например, два бывших президента Международной социологической ассоциации М. Арчер и И. Валлерстайн. Последний ориентировал на перспективу революционной ломки ныне существующей «социальной реальности». Его оппонент склонялась к тому варианту развития дисциплины, которая из истории общественного движения в России начала XX века известно как «теория малых дел»².

Нынешнюю кампанию за активизацию общественной роли социологии в известной мере генерировал президент Американской социологической ассоциации (занимал этот пост согласно уставу Ассоциации в 2003-2004 годах.) Майкл Буравой (в Дурбане избран одним из вице-президентов Всемирной ассоциации социологов). С его биографией можно ознакомиться в Интернете³. Выступив, завершая положенный срок президентства, с докладом «Публичная социология», Буравой развил свои мысли в ряде выступлений, получивших серьезный резонанс. Миру нужна публичная социология, чтобы во имя интересов человечества сдерживать необузданную тиранию рынка и государства; нужно повернуться лицом к реальным проблемам общества, превращая (слова Ч.Р. Миллса)

Полный вариант текста впервые опубликован: Романовский Н.В. О современном этапе развития социологии // Социологические исследования, №1, 2007. Фрагмент публикуется с любезного разрешения автора.

² Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов // Социол. исслед. 1999 № 3. С. 3-10.

³ American Sociological Association. Profile of the President of ASA: Michael Burawoy // <http://www2.asanet.org/governance/burawoy.html>